

Творческая лаборатория
Международной литературной конференции
по вопросам фантастики «Роскон»
представляет

Саша Кругосветов

ОСТРОВ МОРИЯ.
ПАЦАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ. ТОМ 2

Путешествия капитана Александра

Саша Кругосветов

**Остров Мория. Пацанская
демократия. Том 2**

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос=Рус)6

Кругосветов С.

Остров Мория. Пацанская демократия. Том 2 / С. Кругосветов —
«Региональное отделение продюсерского центра при
Интернациональном Союзе писателей», 2017 — (Путешествия
капитана Александра)

ISBN 978-5-906916-79-2

Рассказ о путешествии капитана Александра на остров Мория, о
необыкновенной жизни и подвигах Великого Федерального Канцлера
этого острова, негибаемого государственника, магистра юридических и
богословских наук, профессора боевых искусств стиля Нельзя, простого парня
с рабочих окраин, «великого и ужасного» Ганса ГАНСа, о жизни его Братанов,
четких пацанов кооператива «Лужа», о жизни пастуха бездны Симона Рыбака,
чернеца Световида-воина, а также о жизни прекрасной Беллы Кулы, вновь
явленной нам божественной Мории.

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906916-79-2

© Кругосветов С., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Том 2	6
Часть 4	7
Слобода Тшемория	8
Немного о Попсе	11
Отвязная слобода	14
Хроники параллельной истории	20
Академия ненужных наук	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Саша Кругосветов

«Остров Мория. Пацанская демократия». Том 2

Творческая лаборатория Международной литературной конференции по вопросам фантастики «РосКон»

Интернациональный Союз писателей Оргкомитет Российской конференции по вопросам фантастики «РосКон»

Составитель: Елизавета Кирильская

Том 2

*В чести и силе та держава,
Где правит здравый ум и право,
А где дурак стоит у власти,
Там людям горе и несчастье.*

Себастьян Брант

«Путешествия капитана Александра» – это сборники приключенческих рассказов для детей и подростков. Их герой, будучи юнгой, участвовал в Синопском сражении и в обороне Севастополя. Кумирами капитана Александра с детских лет были адмиралы Лазарев и Нахимов.

Капитан Александр, впоследствии известный мореплаватель второй половины XIX века, ходил на деревянных парусных судах и не изменял им даже с появлением железных кораблей и паровых машин.

Он путешествовал вместе со своими друзьями – Боцманом, Штурманом, Поваром-Коком и говорящим голубем Митрофаном. С ними путешествовали также два мальчика-великана Дол и Зюл, найденные на побережьях островов Франков и Бриттов.

Приключения героев происходят в море, на суше и на островах, имеющих конкретную географическую привязку: Нормандские, Азорские острова, остров Комодо, Галапагосские, Маркизские острова, острова Туамоту, остров Мадагаскар, Патагония, Огненная Земля.

Всего сборников – пять. Первая книга из цикла «Путешествия капитана Александра»: «Большие дети моря» предназначена для детей шести лет, вторая книга «Киты и люди» – для детей 10–11 лет. Третья книга «Архипелаг Блуждающих Огней» – для детей 14 лет и старше. В ней описывается история колонизации Патагонии и островов Южной Америки. Четвертая книга «Остров Додо. Суеверная демократия» – это облегченный политический памфлет, предназначенный для юношеского и взрослого прочтения. Вы держите в руках пятую книгу «Остров Мория. Пацанская демократия» (Том 2, части четыре и пять, а также приложения «Морийские рассказы» и «Баллада о начальниках») – это тоже политический памфлет в форме тревелога. Книга ранее издавалась в сокращенном виде, была адаптирована для юношества и включена в состав четырехтомника «Путешествия капитана Александра». Отдельной книгой выходило приложение к ней «Морийские рассказы. Бывальщина и небывальщина» – в России, «Морийские рассказы» издавались в Венгрии, на венгерском языке в составе сборника. В полном объеме книга «Остров Мория. Пацанская демократия», предназначенная для взрослого читателя, публикуется впервые.

В этой книге мы познакомимся с путешествием капитана Александра на остров Мория, встретимся с Федеральным Канцлером этого острова, необыкновенным человеком, которому присущи цельность взгляда на мир и живое чувство взаимосвязи различных сторон народной жизни. Капитан Александр посетит также Академию ненужных наук и познакомится с её последними разработками. Необычный уклад жизни обитателей острова и стиль работы его научных учреждений, сложившиеся во второй половине XIX века, с трудом воспринимаются современным сознанием и, по-видимому, вызовут неизбежный скепсис и критику. Тем не менее, присмотревшись к морийской действительности, мы без труда сможем разглядеть те или иные черты нашей современной жизни и современного общества.

Часть 4

Прогулки по Мории

*Всё человечество плывёт через море Времени
на одном общем «Корабле».
Мы все, кто большие, кто меньше,
подвержены тем же порокам,
что и «дураки». Мы едим, пьём, обманываем,
играем в глупые игры. Тем временем
наше судно дрейфует бесцельно.
«Корабль дураков – не о других людях.
Это – о нас». Это себе мы должны задать
вопрос: куда же плывёт НАШ корабль?*

Автор неизвестен

Капитан Александр не спешит покинуть Морию. Ему интересно побродить по окраинам и слободам этой своеобразной страны, жизнь которой, казалось, соткана из одних противоречий, завязанных в загадочные и непостижимые клубки и узелки. Диж Быж всегда сопровождает своего друга. Много времени проводят они среди простых людей, тружеников, врачей, учителей, писателей, учёных, на плечах которых уже многие сотни лет уверенно стоит могучее здание великого государства. Капитан Александр неизменно отмечает необыкновенную доброту, скромность, трудолюбие и талант морийцев. Их внутреннюю силу. Совесть. Благородство. И достоинство. Вот оно, святое наше воинство.

И другие воинства бродили по этой земле. Воинства других царей и князей. Воины сумеречных полков. Рядовые полчищ, не давших ещё присягу Князю Тьмы. Но направлявшиеся уже бодрым шагом, с весёлыми песнями, под похабную музыку, в дурмане винных паров и мутном блеске тяжёлых гонимых, направлявшиеся в царство вечной тьмы, где нет света, откуда нет возврата, где смерть и тлен. Остановитесь, морийцы. Одумайтесь. Не поздно ещё. Ведь с вами идут ваши дети. Ради них сдержите грохот фанфар, уймите фейерверки. Пусть замолчат бездарные оркестры. Остановитесь на минуту, побудьте в тишине, осмотритесь по сторонам. Тогда увидите, куда идёте. Поймёте, куда ведёте детей. Нет, не услышат нас ошалевшие от восторгов богатства и мнимого успеха. Не слышат они и тихого голоса своего мудрого народа. Тем более не нужны им советы пришлых, приезжих. Откуда ты, Александр? Из дремучей России? Вот иди туда, там и советуй. Кто остановит их? Откуда придёт свет, чтобы разогнать сумерки в душах этих заблудившихся людей? Случится ли это когда-нибудь? А если случится, то когда? Сумеет ли капитан Александр ответить на все эти вопросы?

Последуем же вслед за нашим героем к сумеречным окраинам и слободам прекрасной и необычной Мории. Посмотрим, что за народ там живёт. Правду ли говорят, что сама Мория божественная четверть века назад вернулась? Спустилась с Олимпа на остров, названный её именем. И родилась обычной морийской девочкой. Обычной ли?

Слобода Тшемория

*Башенные краны новых строек,
Бешеные кланы новых бар,
Ворошилы фирменных помоек,
Поселенцы мраморных хибар.
В рубище отнюдь не пилигрима
Мир бредёт моих мечтаний мимо.*

Д. Немельштейн

Есть такая окраина. Есть такая слобода. Тшемория. Там вечный праздник. Ярмарка тщеты, суеты, тщеславия. Живут здесь всяки разные. Братаны – редко. Ровные пацаны бывают иногда. Тоже изредка. Больше по резиденциям государственным обретаются. А здесь – близкие к ним. Родственники. Любовницы и любовники. Содержанки. Приблатнённые. Обслуга. Охрана. Быки. Мелкие разводилы. Кто крутится рядом. Бичёвки расфуфыренные. Шваль всякая, случайная. Кому переппадают брызги от золотого потока. Щеповка, загородный посёлок. Подлинная столица Тшемории. Щеповка – от слова «щепы». Деньги деревянные. Хоть деревянные, да деньги ведь. Всё на них купить можно в Мории. И вещи, и радости земные, и людей, если требуется. Щепы-то нынче крепче иной валюты будет. Доллар падает. Фунт стерлингов падает. А щепы-то – ого-го! Фартит морийцам. У всех плохо, а морийская деньга всё выше и выше. Чего считать-то? Экономия наводит. Живи, пока живётся.

Крутой народ живет в Щеповке. Мажоры. Одежда им – не одежда. Обувь – не обувь. Кареты – не кареты. А дома-то какие! Оторопь берёт, глядя на эту слободу. Начинался посёлок бедненько. Участочки для домов брались маленькие. И домики строили скромненькие, деревянненькие. А нынче! Какие махины отгрохали!

Один одного больше. Один одного выше. Места для дворов почти не осталось. Понатыканы громадины безвкусные друг на друге. Да всё разные. Соревнуются. Кто больше выпендрится. Кто круче изломает фантазию архитектурную. Кто понтовей. Дом на доме. Эркер на эркере. Порттик на портике. Фронтон на фронте. Колонны несоразмерные, архитравы огромные, пилястры непропорциональные. Как в страшном сне. Стены – иные золотыми листьями покрыты, иные ониксом, изнутри просвечивающим. А крыши – редко, если черепица, все больше камень полудрагоценный, стекло бронированное. Не дома, а выставки тщеславия, гордыни, кичливого бахвальства. Выкрики бездушных, необразованных выскочек, пустышек человеческих в золотом обрамлении. Тучи скачущих блох раззолоченных при королевском дворе Братанов Великолепных.

Щепы, щепачи, щепатые, жители Щеповки, выхваляются друг перед другом прикидом, жёнами лощёными, расфранчёнными, экипажами шикарными, кучерами, в пух и прах разодетыми. Экипажи покупают побогаче да поогромней, что главное. Такие экипажи заводят, что не проехать на них по улицам-то Щеповки, бо узкими остались те улицы со времен стародавних. Так и стоят экипажи во дворах. Раз в неделю бычок сядет в экипаж. Кучера кружок по двору сделают. Чтоб соседи видели. Не ландо какое-нибудь мелкое. Американские всё кареты: Тахо, Эскалейд, Хаммер, Субурбан. Бычка, чай, не на помойке нашли.

Мэйнстримный народ следит за собой, чтобы пацанским обычаям ровно соответствовать. Мужчины – качки один к одному. Иной и в дверь плохо проходит. Шея, как у быка. Головка маленькая на огромном туловище. Руки-ноги растопырены, вместе не свести. Пальцы-то сами собой раздвигаются, словно воздухом накачаны. И то сказать – качок, так и должно быть. Лицо красное, щекастое. Уши поломаны остались от занятий борцовских. Глазки маленькие, кровью

налитые. Тяжело ходить такому. Человек ведь. А вес, как у быка, попробуй поносить. Оттого и глупостей много творит, что голова всегда в затемнении. Вон Геркулес, герой греческий, бог почти, и то... В затмении умственным от упражнений этих физических детей собственных придушил своими же руками. А мыто – обычные, какой с нас спрос? Зато силы немерено. А голова – когда надо, варит. Если что отнять надобно. Или лоха развести. Мы, хоть и не пацаны, а тоже правильно живём. С годами у бычка габариты растут. Лен в зал-то спортивный ходить. И забот много. Поесть и попить сладко след. Пивца обязательно. Да чтоб малышку какую в уголке прижать. Вот с годами животик появляется. Да нет, не животик, а вполне себе живот. Нависает так, что перчика-то и не видно. Так что с барышнями проблемы возникают. Така больша организма кровушки-то немало требует. Сердце расширено, увеличено с молодых годиков. Недаром говорят: «бычье сердце». Тяжело ему. Тук-тук. Тук-тук. Кровушки ток до перчика-то и не доходит. Взабдривает бычок себя то пивом, то водочкой. Помогает вроде. Вначале. А потом – всё меньше и меньше. Ан не отказаться от бани с друзьями. Да с выпивкой. Да с салом. Да с обменками. А в результате? Шкаф шкафом. Комод агроменный. И полный пшик к сорока годам. Что и остаётся из развлечений – походить, посмотреть на бои без правил. Да бросить ненароком: я этого запросто месил, и этого тоже. Того только и остаётся. Да и долгая ли жизнь ему, дураку, отмерена? Уберёт его, неуклюжего неумеху, на тёрках кто-то из пацанчиков правильных. Или сам раньше времени очокурится. «Удар случился» – так в те времена говорили. И нет бычка. Только большое мраморное надгробие. «Дорогому сыночку» или «От друзей и товарищей». Ну, не будем о грустном. Жив ещё наш бычок, здоров, шустрит по «базарам», «тёркам», по «сходнякам». Чувствует себя важной персоной. На своём месте. Подругой обзаводится. Женой, домом, детьми, Тахо. «Мои бизнесмены...», «мои юристы...», «мы не работаем по такой схеме...», «мой человек...», «это звери, с чёрными мы не работаем...», «я с самим Михасем работал... Жизнь идёт своим чередом.

Подруга-то у него тоже мейнстримная, стрёмная, словом. Высокая. Ухоженная. Волосы, кожа, ногти, эпиляция, массажисты, спортзал. Мастерница улётного шопинга. Для поездок – лучшие кабриолеты. Но главное – ни капли жира. Минимум еды. Диеты, диеты, диеты. Уже в чем душа держится. Вся просвечивает. Грудь не стало. Между ног – ветер гуляет. От слабости еле ходит. На ходу качает её из стороны в сторону. Ветром сносит. Андрогенная сущность просвечивает. Неудивительно: экзогенная, женская сущность, она ведь вторична, вот и исчезает понемногу. Не поймешь уже – мужчина, женщина. Бычок радуется: моя-то в форме отменной. В такой форме, что вдруг теряет интерес к пище полностью и уходит, бедолага, в мир иной. Редко кого спасти врачам удаётся. Если и выживает, то мается только, усыхает, всё меньше и меньше в ней женщины. Циклы месячные прекращаются. Дитяtko не зачать крутым ребятам. Не получается. Или, если получится, то не выносить ребёночка. А и родится доходяга – такой больной, что *лучше* бы и не появлялся, прости господи.

А до того, как встретить сваво качка езженного, ведёт свободная барышня на Щеповке свободную жизнь. На тусовки модные ходит. Может, и занимается чем. Рекламирует нижнее белье. Участвует в модных реалити-шоу¹. Если с головой, то сама и ведёт эти шоу да зшастников подбирает. Тупая жизнь для блезиру, для форсу бандитского. Все смотрите. Клёво. Гламур напoказ. Летай, стрекоза. Пока лето. Что зимой делать-то будешь?

И бычки, и барышни ихние обязательно живность заводят домашнюю, как с детками не всегда получается. Кошечек, собачек. Так принято. Но чтоб отличаться от других обязательно. У меня «норвежская голубая». А у меня – «чёрная британская короткошерстная». Моя-то, без шерсти вообще кошечка, «сфинкс донской», смотри, красавица какая. Шмакодявка донская, а не красавица. Вот у меня зверюга, «ашера», кошка метровой высоты, а то и больше. Собачки махонькие (левретки, карликовые и той-пудели), чтоб на руках носить, бантики завязывать.

¹ Развлекательный жанр. Показ действий группы людей в приближённой к жизни обстановке.

Собака – чем уродливей, тем лучше. Ноги короткие, туловище длинное. Кожа висит, перетягивается. Или даже совсем голая собачка, без шерсти, такие тоже бывают. Генетика. Да не собак генетика, а людей. Кому-то из морийцев ген любви к уродцам достался от Кифы Великого. Неплохое родство. Собачки, кошечки... кто-то удава заводит. Или крокодила. Или огромную зелёную игуану.

Такова весёлая жизнь Щеповки.

Не только Щеповкой и щепачами славна Тщемория. Словно крупинки золота в чёрном песке тщеславных морийцев, разбросаны по окраине дома, семьи и отдельные выдающиеся личности, имеющие отношение к высокому искусству Попсы². Столицей Попсы законно считается Попсовка. О, какие важные люди живут в этом посёлке, какое огромное значение они имеют для культурной жизни Мории, сколько восхищённых взглядов приковано к их выступлениям, их жизни, домам, драгоценностям, семьям, будуарам, бракам, прислуге, прошлым и будущим мужьям, жёнам, пассиям, детям, сплетням о них, их шуткам, выходкам, скандалам существующим, несуществующим, их задницам, бюстам, уходам и возвращениям, их снотворным таблеткам. Их романам с Братанами и членами семей Братанских. Боже, как это важно, как поучительно для всего народа морийского, и особенно – для подрастающего поколения!

² К культуре и искусству Попса никак не относится. Это самостоятельное течение для зарабатывания денег. На большее она не способна.

Немного о Попсе

*У нас есть и Каморы обмана чувств,
где любые чудеса Фиглярства
и Мнимых видений, Мороков и Блазнов...
Таковы, о сын, богатства Дома Соломонова.*

Фрэнсис Бэкон. Новая. Атлантида

*Жалкий вид прожорливой богемы,
Глупая «пророков» суета,
Беспредел – прологом вечной темы
Страшного господнего суда.*

Д. Немельштейн

Попсовка – богатый посёлок; ничем почти не отличается внешне от Щеповки. То же богатство, та же роскошь, такие же огромные дома, та же безвкусица. Попсяне, однако, во всех отношениях выше Щепатых.

Попса – огромный слой в искусстве развлечения и жизнезанятия толпы обыкновенной, электората, народа Мории, трудом обычным занятого. Попса – это способ видения мира, мировоззрение, образ жизни. Попса – младшая дочь матери Понятия и отца Ништяка. Молодая, крепкая, сочная, весёлая, распутная, счастливая, расчётливая, себе на уме. Выросла в знатной семье рядом со старшими братьями и сестрами: Блатными, Приблатнёнными, Авторитетами в законе, в родной обстановке разводок по распоняткам, базаров, сходняков, понтов, забитых стрелок, наездов и строгой жизни по понятиям. Попса глубоко усвоила уроки презрения к низшим слоям общества, вынужденным соседям на общественной лестнице, твёрдо разложенным по полочкам и этажам в соответствии с лагерными понятиями, – мужикам, крысам, козлам, петухам и прочей нечисти. Неважно, кто они – работяги, канцы, студенты, учителя, пенсы, тем более – инженеры, тем более – учёные, философы. Все они – лохи, лохи, лохи.

Попса – младшенькая в семье. Всеми любимая. Всеми обласканная, Попса купается в золоте и роскоши. Кто же эти Попсяне? Артисты, что ли? Да нет, бесталанные в основном. Хоть и часто мелькают на сцене, на площадях, перед журналистами, перед толпой, на богатых тусовках. Просто правильные пацанята да их лахудры. И те, и другие – юные. Или уже не совсем юные. И даже совсем не юные. Вернее так – не совсем юные, но вечно молодые.

С Братанами у Попсы близкие отношения. И они Братанов любят, и Братаны их любят. Не чужие, чай, родня. Попса живёт правильно, ровно. По понятиям. В законе. С лохами не дружит. На лохов не смотрит. Не говорит. Только принимает восторги. В крайнем случае, разговаривает с работягами, обслугой. Если когда что потребуется. Кран починить, постирать, за детьми проследить. Сверху вниз, конечно. Они ведь тоже лохи. Просто приближены к телу. С ними иногда и поговорить можно по-человечески. Иногда – даже ласково. Но нечасто. Чтобы не заважничали. Не забаловали.

На сцене выступают они. Но не искусство это. Шикарный, блестящий, грохочущий, оглушающий, оглупляющий, ослепляющий, всё затмевающий праздник Великого Лохотрона – вот что это. Да уж, никак не искусство.

Расскажу тебе о самых известных, самых красивых, самых прославленных Попсовых парах.

Красавица морийская. Женщина-лебедь. Лежит женщина-лебедь обнажённая, раскинувшись вольно, «точно море-окиян», так она о себе думает. Вольная, свободная, необъятная. Волны тела – словно Валдая холмы. Соски нежных грудей ее подобны Эльбрусу с Эверестом. Голубизна бездонных очей её сродни водам Байкала и Иссык-Куля. Прохлада кожи бархатной ног её – будто от белейшего мрамора взята. Волосы рассыпаны – словно бескрайнее поле льняное да пшеничное. Рот – слаще, чем шербет царя Соломона. Укромные места её – уголки сокровенного счастья нездешнего. Бежит промеж нежных холмов груди её человечек невеликий, маленький да удаленький. В пиджачок складненький одетый. Расшитый золотом да бархатом, да камнями самоцветными. Клайвик Лесков, почти Асе, да невеликонький (может быть, Ass – попка?). Серебряный голос Мории. Бежит, ручки раскинув вдохновенно. Головку поднял. Поёт, открыв зубки жемчужные. Моёёё-ё-ё-ё-ё-ё-ё! Поёт, не может остановиться. Моёёё! Всё моё! Всё вокруг моё-ё-ё! Ласково глядит на него женщина-лебедь. Шепчет с придыханием: «Клайвик, Клайвик. Голосок серебряный, яички золотые».

Красивая пара, красивая сцена. Но нет, не они настоящие короли Попсы. Вот она, пара истинная, неподдельная, непритворная, король с королевой.

Матрона Лалалала, совсем уже немолодая. Невысокая. Колобочек напоминает. В балахоны всякие запутанная. Ножки голенькие с коленками круглыми соблазнительными из-под балахонов вытарчивают, неаппетитным возрастным целлюлитом уже чуть отмеченные. На голове шапка волос взбитая, лохматая, личико помятое, старенькое, как бы детское при этом, с шевелюрой Барби (Б). А может, – с шевелюрой ВБ³? Балахоны-то красивенькие, в разводах все. Любимая всеми. Обожаемая. Кумир толпы, Властительница душ. Властная и жестокая. Голос хриплый, грубый. В понятиях строга: «Пацан сказал – пацан сделал». Все по-взрослому, как у настоящих Братанов. Никто давно уже не видел ее поющей или танцующей. Может, и не пела никогда. Да есть такие, говорят, что помнят ещё. Остались у кого-то восторженные воспоминания. Одна загвоздочка есть – ту, что вспоминают, на эту совсем не похожа. Только-то, что росточка маленького обей, да прически как у ВБ. Может, у той – как у Б, а у этой – как у ББ, кто разберёт. Возможно, и не та вовсе. Да все говорят, что та. Именно та. Какая разница? Другое у нее теперь занятие. Она – королева Попсы. Царствует. Выбирает себе фаворитов и фавориток, да и потоками денежными управляет.

А короля для себя подобрала совсем юного. Не король с виду. Принц скорее. Но считают королём. Послушный такой. В ротик Лалалале заглядывает, как на мамочку смотрит. Лалочка, что ты хочешь? Обопрись на мою руку, Лалочка. Осторожней из кареточки-то выходи, как бы не грохнул-шись. Симка Малкин зовут. Зверски талантлив Симка. Каждую секунду меняет облик и голос. То он Гансом ГАНСом поёт, то маленьким Гансом, то он Ёлко, то Степаныч. Умора. Братаны души не чают в незлобивом весёлом Симке. И королеву Лалу, и королёнка её молоденького одаривают от щедрот своих. Золотым дождём льются на них обоих боковые ручейки могучего потока Великого Ништяка.

Попса – идеальная машина развлечений. Безупречно отлаженная. Как бы управляемая министерством развлечения народа. Да при чём здесь оно? Так, для видимости только. Перевалка денег. Хотя это тоже важно. На перевалке всегда должны проверенные люди стоять.

Не могу не сказать о третьей великой паре Попсы. Таша Кралия. Красотка пухленька, яблочко спелое. Говорит только неважно. Не умеет. Не научилась. Да зачем ей, аппетитненькой, говорить-то складно. Для других утех у ей таланты имеются. Да и поёт не хуже другой попсыры. А что до утех, так это утех, коими лучше в паре утешаться. И так, как правило, нормальные морийцы и поступают. А для утех этих выбран был Порно Завр. Завр – зверь, животное. Но вообще-то он человек. Зато какой экземпляр! Качок. Но в меру. Усердием своим не задавивший в себе α -самца. Признаки самцовые сохранил и даже развил немерено. Что и

³ Брижит Анн-Мари Бардо, секс-символ Европы 1950-х годов.

демонстрирует в паре с Кралею своей. На сцене. На плакате. На площади. В клубах. В присутствии журналистов. Под музыку. Без музыки. Она с упоением играет на его волынке, он – привычно и артистично играет на её лютне⁴. Тысячи и тысячи оболваненных тинейджеров с восторгом наблюдают эти представления, суррогаты «искусства» и «любви»; считают – это и есть настоящая, правильная жизнь.

– Ну, хватит, Капитаныч, не надоело тебе болтаться по Щеповкам да Попсовкам, – говорит Диж Быж, сопровождавший Александра по окраинам Мории. – Видать, понравились тебе наши морийки попсовые да гламурные. Скажи старому товарищу, ведь правда, хороши?! Мне так очень нравятся. Есть на что посмотреть.

– Сам, однако, жену себе выбрал не из Попсы и не из гламура.

– Это так, конечно, но у любой симпатичной молодой женщины есть немного гламура и даже немного Попсы. Ты сам-то не увиливай. Скажи, нравятся тебе наши клёвые морийки?

– Нравятся, пожалуй. Хороши твои морийки попсовые. И женщина-лебедь, и Кралия. И матрона ваша Лала. Обаятельная особа, неглупа. Есть в ней что-то, видимо, магнетизм какой-то. Неслучайно Лала – предмет обожания миллионов. И другие есть барышни. Анфиса хороша. Ксетка, дочь Чобака. Беда, что барышни эти заплутали немного. Не туда бредут сумеречные девы. Любовь, друг мой, всюду вокруг нас, везде, только руку протяни. Любовь к ребёнку, к женщине, к Отчизне, к создателю. Она везде. В семье. В храме божьем. Любовь – дело обоюдное, приватное и сокровенное. Она не терпит излишней публичности. Здесь же – всё на людях. А есть ли любовь эта, если всё на людях? Хуже того – всё на продажу. Может, барышни они и неплохие. Да забрели не в ту сторону. Однако не судья я им, Диж Быж, и не будем об этом.

Попсовые ребяташки ваши – тоже неплохие. Парно, правда, мне не показался. Заврообразный уж больно. Хотя и красавчик. А вот Клайвик и Симка – ничего себе. Весёлые парни. Не зловерные. Вот такие ребята забыли бы о своей Попсе, нарожали бы малышей со своими подружками, вырастили бы из них добрых да веселых морийцев – стало бы тогда, кому Морию поднимать. А, может, и есть уже такие, да мы с тобой не знаем их просто. Что скажешь, Диж? Молчит Диж, редкий случай.

⁴ Брижит Анн-Мари Бардо, секс-символ Европы 1950-х годов.

Отвязная слобода

*Где нет свобод и конституций, —
там и активен Вирус Революций.*

Саша Отвязанный <http://www.stihi.ru/2011/02/02/9750>

*потом я кололась пила воровала
спала с кем попало за деньги и дозу
короче я всё это вам наврала
Я Пуся Девочка-отморозок*

Пуся <http://www.stihi.ru/2004/04/27-1146>

Ещё один посёлок Тщемории. Поселок отвязных. Не похож на Щеповку, на Попсовку – тоже не похож. Отвязные сами по себе. Ни с кем не считаются. Никого не принимают в расчёт. Называют свой посёлок – Отвязная слобода. У щепатых и попсян своя слобода. У нас – своя, говорят они. Здесь в небольших домиках, иногда ветхих, редко богатых, разных, живут безбашенные, разгуляевы, безрассудные, непредсказуемые – отвязные, одним словом. Разбитные. Некоторые – убогие, иногда – знатные, известные. Тоже разные. Нельзя сказать, что Отвязная – барышня без рода без племени. Старшая из дочерей матери Понятия и отца Ништяка. Тощая, мосластая, беспутная, неопрятная. Молодая, пока ещё молодая, порывистая, безрассудная, неудачливая. Нелюбимая, увы. Не любят её в семье. За бестолковость, строптивый нрав, капризность, своенравность. За свободолюбие, да и за прямоту тоже. Кто же прямоту любит в семье блатных и приблатнённых? Нелюбимый ребенок в семье Братанов, разве ему хорошо живётся? А семья та – вся Мория наша, Братанская страна.

С детских лет знает жизнь не понаслышке. И жестокость, и несправедливость жизни по понятиям. Знает и то, что все и всяческие проблемы в Мории решаются не по совести, не по уму, а по праву силы. Бранное слово, обеденная лексика, по-учёному, известны ей с колыбели. Бесстыдством и распутством тоже не удивишь барышню Отвязную. Для неё всё сокровенное – явно явлено. Как в мире диких зверей. Никаких тайн, никакого стыда: сиськи-письки, штучка в штучку, перчики хреновы, вагизмы, кысы-пысы, а слова, выражения, терминология – братанские точь-в-точь, да покруче будут – добавьте юношескую пылкость, экстремизм, браваду Отвязной. Добавьте неопрятность в помыслах, в словах, в выражениях, в действиях, в поступках. В одежде, в круге знакомств, в жизнезанятиях. Всё бы поняли в родной семье Британской. Не чужие вроде. Да не получилось из сестренки ни наводчицы, ни Соньки – Золотой ручки, ни бандерши, ни киллерши, ни даже элитной проститутки, ничего, в общем, толкового не получилось. Конечно, подворовывает продукты в супермаркете, иногда курицу в вагину засунет, чтобы мимо охранников пронести. Забавно. Но ничего серьёзного. Такого, что могло бы повлиять на отношение к ней братьев. Не было у Отвязной ни размаха, ни холодной жестокости, не было ледяного Ништяка в голове, столь необходимого для строгой жизни по понятиям, чтобы стать стоящей фигурой в правильном Братанском мире. «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой». Можно было бы и так сказать. С одной стороны. Но и не Татьяна Ларина, конечно.

Вроде, плохи дела Отвязной. А, может, и нет. Как посмотреть. Не было, как я говорил, у Отвязной настоящего звериного оскала. Слишком хорошо знала она цену жизни по понятиям, цену обманкам этой жизни, её показной справедливости и показной же беспристрастности.

Так в самом центре помойки вырастает чертополох, который в нужный момент неожиданно даёт пушистые, мягкие лилово-пурпурные цветы. Без лепестков вроде, одни волоски. Но очень милые цветы, симпатичные, почти безвредные.

Много, очень много было в Отвязной силы, буйства, напора, а жестокости не было. Ненависти к людям не было. Зато к порядкам, принятым в стране, в родной семье Отвязной, к так называемым лидерам, к национальному лидеру, к правоохранителям, судам, к дубовой госмашине была неприязнь. К людям неприязни не было. Была бы – легко вписалась тогда Отвязная в лихую семейную жизнь да обласкана была, да жила бы в любви и богатстве. Нет, не любили её братья, влиятельные Братаны. Неловкую, никудышную. Будто не нашего рода, будто не сестра нам, говорили они. Добро бы грохнула кого. Развела по распоняткам. Не нашего рода лахудра получилась. Живи сама, как хочешь. Помогать тебе не будем. Да и мешать тоже. А что по рукам пошла да подворовывает помаленьку, – это ни о чём не говорит. Кто без греха, у кого этого нет? И у мужиков, и у сук, и у кума, и у курицы, и у петуха, и у коня – у всех есть. Таких нет, у кого этого нет. А если и есть такие, у кого этого нет, – покажи мне – враз петухом сделаем. Ладно, живи, сестрёнка, своим умом, коли такая жизнь нравится. А что против наших авторитетных товарищей – так это зря. Не одобряем. К тому же, ты против полиции, против Братанов «несправедливых», против братьев своих. Но от политики, говорят, далека Отвязная, слава тебе господи, не идёт в политику стыдобушка наша. Что правда, то правда – зла от неё никакого. Одно кудахтанье пустое, крики да болтовня. Может, и неплохо. Каким-то дуракам интересно это. Пусть отвлекаются. Пар выпускают. Пока серьёзная братва свои дела обтяпывает.

Так рассуждают братья. Братаны. Отвязная тем временем растёт. Живёт своей жизнью. Не такой, как все. Чем же занимаются они, эти отвязные? Кровь кипит, гормоны бурлят в молодых телах. Свободы нам, свободы! Будем делать, что захотим. Сломаем все запреты. Покажите нам, что ещё не разрешено, – мы сделаем это. (Какая энергетика!) Вы не привыкли что-то видеть – смотрите, мы заставим вас смотреть! Вы не привыкли что-то слышать – слушайте, мы заставим вас слушать. Вы никогда не видели прилюдно мужского достоинства – смотрите все, молодые, старые, закосневшие, замшелые, ханжи, безмозглые импотенты, вы не видели наших женских укромностей, не закрывайте стыдливо глаза, смотрите все, штучка в штучку, горделивый приап-приапчик входит в блажную долину... Вы не привыкли делать, что хотите. Учитесь. Мы залезем на кареты самых важняков, будем танцевать, петь и орать; вы будете шокированы, потому что не привыкли говорить, что думаете, не привыкли слушать других, которые говорят, что думают, а ведь это как раз то, что думаете и вы. Не привыкли смотреть на то, что люди делают вдвоём в темноте. Смотрите, не отворачивайтесь, не отводите глаз. Каждый из вас хочет быть с нами, хочет быть на месте одного из нас.

Мы пойдём в ваши музеи. На вокзалы. Пойдем в ваши грёбаные храмы науки. В опозоренные ложью, воровством и сребролюбием скучные каменные громады, которые вы почитаете храмами господними. Мы залезем на крыши. На заборы. На ларьки. На строительные леса. Будем делать то, на что вы стыдитесь смотреть, о чём стыдитесь говорить, о чём каждый из вас втайне мечтает и вожделеет. Будем рвать подушки и разбрасывать пух и перья. Подключайся. Имей нас. Отхарь нас. Отымей, кого хочешь. Отымей за малого Ганса. Если хочешь – отымей за большого Ганса. Отымей за Гундягу. Вон тот, слышь, говорит – никого не имеет. Отымей за него. Тюрся за Гансов.

Мы перевернём кареты полицейских и служилых людей. Соорудим и взметнём над городом огромного, могучего Приапа, который поднимется – поднимется, вы всегда мечтали об этом, слабаки и ханжи, – выше самого высокого здания в вашем городе. Пустим в ваши суды тысячи тараканов – мадагаскарских, азиатских, морийских – тараканы будут лучшими присяжными в ваших судах. Публично осудим и повесим одного, двух, трёх американских индейцев, понаехали тут, и нескольких голубых. Накачаем их наркотиками. Чтобы были, как деревянные. Чтoб на веревках болтались, словно деревянные. В назидание. Конечно – представление.

Конечно – спектакль. Пока что представление. Протест против ненависти властей к чужакам и геям. Сколько будет великолепной, бурлящей, живой, выразительной, такой привычной нам, обеденной лексики. И вслух. И на транспарантах. Будем целовать полицейских девок. Публично. Держать и зацеловывать. Лобзать мусор. Будем обливать полицейских мочой из бутылок. Краской – памятники Кифы Великого, Иоанна Летсера, Ёлко Палкина, другие памятники.

Будем раздеваться на улицах. На вокзалах. На выставках, на концертах. Наши лахудры раскрасят обнажённые груди в яркие цвета. Сиськостас. Будем бегать голыми по улицам. Купаться в фонтанах. Смотрите – мы совокупляемся. Мы сделаем всё, чтобы был скандал. Раздетые девки будут публично спиливать деревянные кресты. Такое представление. Никого не будут бить, калечить. Нам нужен только скандал.

Кто они, эти отвязные? Они действуют как партизанский отряд. Они одеваются в яркие одежды. Закрывают головы яркими шапками-масками с прорезями для глаз. Шапки называются Херсонесами. Корень слова понятен? С гитарами. С Херсонесами на головах. Они объединяются в группы. Где нет главных. Где все анонимны. Мобильная группа в активном режиме. Где каждый – актёр и режиссёр в одном лице.

Они появляются внезапно. Где их не ждут. Делают то, что никто не может предположить. Эпатаж. Неравнодушие. Смелость. Самоотверженность. Освободительный импульс. Протест против власти. Они вскрывают болезненные точки общества. Выразительный колорит. Фактура. Тщательно продуманный силуэт. Узнаваемый стиль. Трэш. Издевательства и глумление. Вызывающие у обычных людей смешанные чувства шока, растерянности и отвращения. Дерзко? Вульгарно? Да. Но энергетика! Но бунтарство! Радикально! И при этом – аполитично. Лозунги: «Грех не взорвать», «Бабушка после похорон», «Рыба-фишка». Непонятные лозунги.

Что это – искусство? Танец, музыка, текст? Нарочито детская стилистика. Нарочито примитивная музыка. Нарочито наивные движения. Как бы детская, неряшливая пластика. Многие делают это лучше. Даже Попса лучше поёт. Лучше танцует. У Попсы, у рэперов тексты лучше. Забористей. Нет, не искусство это. Вроде не искусство.

Серьёзные дяди называют выступления отвязных умным словом перфоманс (исполнение, выступление, представление в определённом месте, в определённой обстановке). Необычный поступок. Произносят ещё одно умное слово – морийский «акционизм». И другие. Арт-активизм, ангажированный перфоманс, делание акций. Под страивание разных каверз. Чтобы посмешней было, повульгарней, посрамней, поскандальней. Вроде всё-таки искусство. Тоже вид морийского искусства.

Их группировки: Бешеные Приапы, Сиськин бунт, Освободи брусчатку, Жизнь без Гансов, Вагинальная революция, Партия свободной любви, Девочки без комплексов, Лизуны.

– Эх, я бы тоже полизал. Интересно, хорошо ли они моются?

Их атрибуты: тараканы, моча, дерьмо, сперма, немытые приапы и вагины, нарочитая антиэстетика – мрак, тоска, тупоумие под облаткой непонятных, несуразных, претенциозных, нелепых слов и лозунгов.

Заумный морийский теоретик искусства объясняет:

– Современное искусство занимается современностью. (Каково?) Это стратегия шока. Смысл художественной акции состоит в том, чтобы нельзя было докопаться до смысла художественной акции. (Класс!) Это язык молодёжной контркультуры против культуры «взрослой» и «духовной». Междисциплинарный арт-проект. Нью вэйв, новая волна. Язык детского хулиганства, доморощенные тексты старшеклассников.

Пожилой либерал с потными руками, нервно облизывая губы, частит оживлённо:

– Шок, шок, шок, шок. Делать невидимое видимым. Эффект аппартации, «небесного явления», выход за мыслимые рамки ординарных и даже экстраординарных событий. За внешней оболочкой акции нарочито некрасивого, вульгарного совокупления. За видимостью обычного хулиганства, которое надо искоренять. За видимостью банального боевого раскраса пле-

мени тумба-юмба вы не видите факта появления лучшего произведения морийского искусства наших дней, появления великого дерева акционизма, маточного движения, которое заражает мир новым вирусом цветных революций морали. Вы не понимаете высоты нового искусства. Вы ещё не доросли до public art, до интервенционизма, который даст и уже даёт, глупо отрицать, результирующий социальный эффект.

– Перфоманс – не только представление, это ещё и поступок, – продолжает он. – Какие поступки у этих отвязных! Как они заражают нас. Как возбуждают. Лично меня они возбуждают. Давно уже не было такого. Я, можно сказать, махнул на себя рукой. Но как меня возбуждают эти экстравагантные, плохо помытые дщери улиц, предместий и городов. Это искушение... Я не выдержу этого... Они совершают поступки. А поступки – ключевой феномен современного искусства. О, это великое искусство публичного совокупления. Какой глубочайший подтекст. Он открывает сложные взаимоотношения между религией и искусством, между сакральным и секулярным, между искусством и ремеслом. Вылезание из нормы чего бы то ни было – это уже хорошо. А влезание, влезание... это прекрасно.

Для чего отвязным всё это нужно? Для денег? Денег, вроде, не даёт. Говорят, что у отвязных есть политические интересы. Из сбивчивых объяснений отвязных в редкие минуты, когда их сознание проясняется, можно вынести слабо выраженные предпочтения их посягательств. Главное – анти-Гансизм. Да что они могут сказать? Девушкам нравятся Гансы. Как могут Гансы не нравиться? Особенно большой. Большой Ганс, как известно, любит все большое. И девушки любят все большое. Но виду не показывают. А их глуповатые, нагловатые спутники сдуру вторят барышням – долой Гансов. От любви до ненависти... Что ещё? Борьба с полицией, другими правоохранителями... Тянет девчонок к крепким мужикам. Вот и кареты переворачивают, мочой из бутылок обливают, зацеловывают как бы притворно. А может, и не притворно, может, и очень даже нравится. Как это сочетается? Сочетается, видать. В Мории бывает такое. Сочетание несочетаемого. Потом всякие глупые слова, которые эти отвязные не очень и понимают: «децентрализация власти» (типа – долой власть), «перенос столицы» (нужно же что-то сказать для прессы), «защита леса» (где этот лес? – в Мории нет его). Ну и главное – «Фемины, вперед!». Зачем это нужно их соратникам мужеского пола – неясно. Бунт сисек-пиписек. За сильных женщин. Женщину – во главе Мории (может, в этом что-то и есть). Пусть каждый спит, с кем хочет. Мальчик – с мальчиком, девочка – с девочкой, девочка – с собачкой, мальчик – с козочкой, долой запрет абортот и наоборот – пусть рождаются любые твари, плоды свободной любви. Нет – церковным запретам. Дорогу сильным женщинам. Женщинам не нужны мужчины. Женщинам не нужны дети, пусть детьми занимаются старики и убогие. Какая польза Отвязным от детей? Разве что укрыться за ребёнком от полиции, от правоохранителей: отпустите нас, отпустите, вы не видите – я с ребёнком, караул, обижают детей, обижают мать, не хватайте отца с ребёнком... И мочой его, полиция в форме, мочой... Дорогу Кэт, дорогу Гарадже, Похлёбке, Басистке, Шумахеру, Электрокоту. Ну и кликухи – покруче, чем у блатных. Нет – сексизму. Да – секстремизму, экстремизму в феминизме. Нет – любому неравенству полов.

Энергетика бунтарства. Так случается в Мории время от времени. В других странах – наверное, тоже. Бунт молодёжи. «В царство свободы дорогу грудью проложим себе». Грудью обнажённой, естественно; ярко раскрашенной – обязательно. Эта энергетика открывает дорогу для сноса крестов. Входной билет погромщикам в церковь, индульгенция гей-активистам к уничтожению христианских церквей, осквернению христианских святынь. Готика, панк-культура – под видом христианской молитвы, взамен христианской молитвы. Не напоминает ли это нам Всешутейский Собор времен Кифы Великого? Вы не понимаете, говорят они, – это нетрадиционная молитва. Куда уж нам, понять это. Молитва антихристу – совсем нетрадиционно. Две тысячи лет нетрадиционности той, может, и больше, может, и пять тысяч лет.

Они претендуют на лавры узников совести. Не надо бы нам реагировать столь бурно на дешёвую эту провокацию. Если бы во время акции не было озлобленных администраторов,

возмущённых батюшек, если бы никто не обращал внимания... Акция не состоялась бы, сама собой рассосалась. Никто бы её не заметил. Мы реагируем, увы. Разные политические силы используют акции отвязных в своих интересах. И власть, и либералы. Кто-то и деньги делает. Всегда на обнажённом теле, особенно на обнажённом женском теле, кто-то делает свой бизнес, имеет свой интерес. Быть может, и деньги. На феминизме можно делать деньги. Обществу-то это зачем? Обществу, может быть, и не нужно. Даже вредно. Детей кто рожать будет? Феминистки, что ли? Геи? А кому-то очень даже нужны эти феминистки, эти акции. Кого-то с кем-то сравнить, кого-то соединить, кого-то кому-то противопоставить. Власть опорочит либералов. Либералы – церковь. Церковь – феминисток и геев. Геи и феминистки – власть и церковь. Адвокаты работают на свой пиар. Верзила, бывший муж феминистки, по Америке шурует, дитё демонстрирует, денежки сшибает. Как интересно. Живенько. Все при деле. Можно позабыть о проблемах: о воровстве, преступности, попрании интересов обычных морийцев, о продажности судов, несправедливости, о нищете. Вот где можно поручить Тайной Канцелярии с её методами политического и психологического микса, Центрам нейро-языковых навыков и Канцу обобщённому, и серым пиджакам из Писка, и другим, тем, кто придумывает и запускает тайные пружины, управляющие глубинными течениями в обществе. Может, и другие какие политические тяжеловесы, может, и сам Князь Тьмы на этой мелочёвке, безмозглой отвязной кильке, тоже поживиться смогут. А как интересно пожонглировать квазинаучными терминами «теоретикам» акционизма. Акция проведена, крики, визги отшумели, дивиденды получены, отвязных – на помойку истории. Доживают бунтари доморощенные в безвестности и нищете. На окраинах Отвязной слободы. В лачугах и трущобах. Живут убого. Редко кто доживает до старости.

Но давай задумаемся. Нам с тобой кажется неестественным это бунтарство молодых? Отречение от сложившихся устоев общества. Отделение себя от всего общепринятого. Формой поведения, одеждой. Декларирование этого отделения. Отрицание культурных традиций. Так ли неестественно анархическое бунтарство? Удар жёсткого кулака: оскорблять, провоцировать, эпатировать, призывать к мятежу, не конкретному, а к мятежу всех против всех и вся. Призыв к насилию над моралью, нравственностью, удар по нормам, укладу, привычке. Революции, которые происходили, происходят и будут происходить. Революции – не просто спонтанные перевороты. Они готовятся в сознании масс. Нужно время. Накопление мелких событий. Маленьких событий. В том числе революций отвязных малышей. Так говорил Диж Быж капитану Александру, пока они знакомились с жизнью обитателей Отвязной слободы.

Мы, современные морийцы, продолжал поэт-патриот, знаем и помним футуристов Мории. Авангардного течения, возникшего незадолго до революции, установившей

Народно-Морийскую диктатуру. Футуристов, отвергавших всё и вся, что было до них. И писателей, и философов, и поэтов. Всю культуру. Христа. Мы хотим будущего сегодня. Так они говорили. Это кубофутуристы, эгофутуристы, мезонисты. «Мезонин поэзии». «Центрифуга». «Левый фронт». «Эх, эх, без креста. Катька с Ванькой занята. Чем, чем занята?.. Тра-та-та». «Пощёчина общественному вкусу». Похоже на отвязных. Но как они изменили нашу жизнь! «О, рассмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смеячи!» Смехачи, смеячи, смеюнчики. Какой восторг, это «заклятие смехом»! Слова-ветераны и слова-новобранцы. Сколько славных имён вписали футуристы в историю искусства Мории и в мировую культуру.

Всей душой приняли они морийскую революцию: «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!». Не только футуристы, другие буйные, молодые, отвязные тех времён. «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем. Мировой пожар в крови. Господи, благослови». Потом пришло отрезвление. Морийская молодежь, «из народа» ли, из интеллигенции, до революции сидела и ждала. После – дождалась и села. Получи будущее сегодня. Задумаемся над этим. Время прошло. Никого уже нет в живых из отвязных футуристов прошлого, но футу-

ристы Мории остались в сердцах морийского народа. Останутся ли отвязные сегодняшние в наших сердцах? Сомнительно что-то.

– Так ли уж неизвестно нам притворное безумие отвязных? – думал капитан Александр. – Эта нарочитая безнравственность с целью самоуничтожения. В поисках поношений от людей. Насколько это хорошо известно морийцам. Особенно – морийцам. Они, отвязные эти, – традиционные морийские юродивые. Притворные безумцы. Вроде в шутку высмеивающие человеческие пороки. Могут дерзостно сказать монарху, государю, канцлеру правду, сказать то, что никто не решится сказать. Что монарх никогда не стерпел бы. Вельможа никогда не стерпел бы. Держиморда, обобщённый Канц, вселенский хам... А от шута стерпят. И те, и другие, и третьи. И посмеются. И нам надо терпеть.

Вспомним кощунства масленичного и святочного разгула, которые почему-то не отторгает, но принимает душа благонравного христианина. Наступают дни, когда нужен разгул, нужны малые кощунства, чтобы перевернуть, встряхнуть заскорузлую, зачерствевшую душу, заставить подумать заново о том, что, казалось, уже точно известно, вернуться к извечным истинам и, встряхнувшись, чуть помолодев душой, начать новый путь к Господу, сначала – чуть другим путём, с чуть более свежим взглядом. Встряхнитесь, морийцы. Посмейтесь над отвязными. Потерпите их. Полюбите их такими, какие они есть. Они ведь тоже дети Мории. Дети, сыны и дочери Отца нашего небесного. Это испытание для вас. Испытание не такое уж тяжёлое. Бывали и похуже. Смех всегда помогал морийцу в невзгодах. Посмейтесь. Посмейтесь вместе с весёлыми, буйными, нелепыми и недалёкими, отвязными девчонками и мальчишками. Не является ли единственно верным такой взгляд: защищать право другого говорить то, что вам не хотелось бы слышать, показывать и делать то, что вы не хотели бы видеть. Простите их. И вам простится. Не судите да не судимы будете. Помолитесь за их бедные души, томящиеся в паутине сатанинских искушений. Вспомните их отрешённые лица, будто не здесь присутствующие, их остановившиеся глаза, тяжёлый взгляд этих глаз. Будто не они свершают все эти мерзости. Не втягивайтесь в возбуждённую тряску шумов, споров, оскорблений, бесовскими волнами расходящихся вокруг этих несчастных. Помолитесь за спасение их душ.

Вот с такими противоречивыми мыслями покидал капитан Александр Отвязную слободу.

Хватит нам бродить по Тщемории, думает Алесандр. Да и по другим слободам. Последуем мудрому совету Ганса ГАНСА и посетим знаменитую Академию морийских наук, таких наук, о которых, как мне говорили, в других странах слыхом не слыхивали.

– Диж, дорогой, давай возьмём с собой Штурмана. Он молод, образован. Любит новации. Влюблён в технику, увлекается новыми необычными идеями.

Хроники параллельной истории

*Не было Нерона никакого»,
И Баття не было, наверное,
И вообще – всё, что произошло до Горбачева,
В целом очень всё недостоверно.*

Т. Шаов

*Надо иногда вынимать пробку.
Чтобы избежать взрыва.
Надутый человек находится в опасности.
Вытащив пробку из зада, п-ш-ш-ш,
вы возвращаетесь в натуральное состояние.*

У. Эко

Гости Мории в сопровождении поэта-патриота двинулись в сторону старинных зданий Академии, но попасть туда сразу им не удалось. Нежданно-негаданно им пришлось окунуться в проблемы морийских исторических хроник.

Не то чтобы посетители Академии – Александр, Штурман и Диж Быж – очень хотели ознакомиться с морийскими хрониками, тем более – хрониками параллельной истории. Ни капитан, ни Штурман ничего раньше не слышали об этом. Так получилось. Само собой. Они не вошли ещё на территорию слободы, где размещались здания Академии, только-только приближались, как к ним рванули двое мужчин странного, необычного вида. К нам, к нам, кричали они, размахивая руками. И застыли вдруг на месте, ни слова не говоря.

Академик Анатолиус Фомкинт Неверующий. Неостепенённый Глеполиус Носсовкинт Любопытствующий. Это Ант и Глеп, «новохроны», авторы новых исторических хроник⁵ Мории, объясняет спутникам Диж Быж. Академик и его неостепенённый товарищ крепко держатся друг за друга, руки неловко согнуты. Совершенно одинаковые фигуры, словно Тра-ля-ля и Тру-ля-ля. Волосы прилизаны и аккуратно зачёсаны. Лица худые, безбородые. Кожа жёлтая, восковая, плотно, без морщин обтягивает кости черепа. Запавшие рты. Глаза – тоже запавшие, светятся безумным светом. Пиджачки болтаются на худых плечах и впалой груди. Галстуки куплены, видимо, лет сорок назад, серые и затёртые. Безо всякого представления капитан Александр узнаёт, кто есть кто. Спросишь, как? Очень просто. На груди одного написано Ант Фом, у другого – Глеи Носов. А на спинах: «кинт, акад» и «кинт, неостеп» соответственно.

– Чо смотрите? – внезапно закричал Ант.

– Думаете, восковые? – вторил ему Глеп.

– Если думаете, что восковые, – деньги надо платить. Иначе не пойдёт!

– И задом наперёд, совсем наоборот. Если думаете, что живые, – скажите что-нибудь.

– Пожалуйста, простите нас, мы не хотели вас обидеть, – сказал Штурман.

Капитан Александр вспомнил известное в Мории стихотворение Дيجا Быжа о «новохронах».

⁵ В наше время известны последователи теории Лита и Глепа: А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский, авторы книг по «Новой хронологии». В 2004 г. им присуждена Антипремия «Абзац» в номинации «Почётная безграмота» за «особо циничное пресуппложение против российской словесности».

Два верных друга Ант и Глеп
Решили вздуть друг дружку.
Ведь Ант неверно толковал
Историю пастушки.
Прелестной Неотеты-феи,
Родительницы Мории, веселенькой пастушки.
Вот Диктатуры Чёрный вран
Бьет крыльями во мраке.
«Да чёрт с ней, с Морией!». Бегут,
Совсем забыв о драке.
Два новохрона-дурака, совсем забыв о драке.
Но ворон мимо пролетел —
Опять готовы биться
Два бузотёра, Ант и Глеп,
Чтоб истины добиться,
Кто Морию и как зачал, чтоб истины добиться.

– Не обращайтесь на них внимания, друзья, – сказал Диж Быж. – Это хроноложцы, создатели ложных хронологий. Вечно они всех троллят.

– Я знаю, о чём вы думаете, гости на погосте, – заявил Ант. – Но это совсем не так. Просто исторический кавардак. Сальто-мортале. И не таких видали! Через себя кидали!

– И задом наперёд, совсем наоборот, – подхватил Глеп. – Если б всё по Скалигеру⁶, гугеноту, староверу. То оно бы так и было, так и дальше долго б плыло. Но раз уж это все не так, то в хронологии – бардак.

– Хронос Скалигера в склеп...

– Сложат дружно Ант и Глеп!

– Знакомьтесь, друзья, – сказал Диж Быж. – Ант, академик, математик. Глеп, неостепенённый, историк.

– Ничего подобного, я, Ант, – астроном!

– А я, Глеп, – астролог.

– Я – расшифровщик древних рукописей, знаток доморийских языков.

– А я – исследователь артефактов.

– Я – специалист по радиоуглеродному анализу.

– А я – по термолюминесцентной датировке.

Долго продолжались препирательства, пока Александр, наконец, не прервал их:

– Вы не устали, друзья? Может быть, отдохнёте? Запыхавшиеся Ант и Глеп сконфуженно посмотрели

на Александра, они вспомнили, что вознамерились встретить гостей, а вместо этого зачем-то стали препираться. «Премного благодарны, визитёры-вояжеры. А вы знакомы, гости на погосте, с настоящим летоисчислением человеческой цивилизации?». Не ожидая ответа, дружно, наперебой, забыв распри, они стали рассказывать о «настоящей» истории. Вот что узнали путешественники.

Что Ант и Глеп радикально пересмотрели историю человечества. И создали «Новую хронологию». Что существующая хронология исторических событий в целом неверна, что письменная история человечества значительно короче, чем принято считать, что она не прослеживается ранее XV века, а «древние цивилизации», государства античности и раннего сред-

⁶ Иосиф Юстус Скалигер (1540–1609), французский гуманист-филолог, один из основателей современной научной хронологии.

невековья никогда не существовали и являются лишь фантомным отражением гораздо более поздних культур.

Памятники, ранее XIV–XV века датируемые, заявляют Ант и Глеи, малочисленны, в тщательном исследовании подлинности нуждаются и в анализе содержания, допускающего, как правило, интерпретации различные. Никаких свидетельств достоверных ранее XIV века не существует! Письменность возникла в XIV–XV веке. Более старых письменных источников нет поэтому, и быть не может. Ошибочность существующих хроник, которыми «грузят» ваши неокрепшие мозги, датированием неверным источников письменных вызвана.

Смысл теории нашей в том состоит, что история древнего мира в целом и история средних веков в частности Скалигером выдуманы. До отплытия Мории в начале века XVI в Европе (не говоря уже об Азии, Африке и Америке) только дикие орды были. Неоформившиеся народы, культуры и письменности не имевшие, бродили беспорядочно по холмам и долам Европы, находясь в страхе постоянном от беспомощности своей перед судьбой, грозными богами языческими, зверьём диким, природой и болезнями ужасными. В Европе лепра, чума, сифилис, холера свирепствовали.

Самые умные, самые инициативные, мужественные самые люди, выходцы из разных стран, собрались вместе, огромный корабль Морию создали и решили покинуть эту сушу, в грехе погрязшую. Они взяли с собой все существовавшие в те времена книги исторические об истории прежней. Но книг этих было мало очень. Книги и летописи друг другу противоречили, не датировались, и ошибкой считать их достоверными было бы. Известная нам история, которую действительно подтвердить можно, только с Мории начинается. Дети Посейдона, морийцы, совершенную цивилизацию создали. Теперь говорить любят: «Атланты!», «Атланты жили четыре тысячи лет назад». Что Атланты – верно это. А что четыре тысячи лет назад – неправильно. Атланты и есть морийцы. Мы, морийцы, несли культуру в Европу, в Азию с Океанией, в Африку и Америку. Дикарям суши огонь дали, железо, дело кузнечное, ремёсла, скотоводство, земледелие, корабли водить научили по звёздам. Всё от нас пошло. Морийцы огромную империю образовали, почти всю территорию известного тогда мира покрывающую. Недаром Кифу Великого называли Императором.

История в XVI веке начиналась.

Геркулес (так его в Риме звали), он же – Геракл (в Греции). Наш был, мориец. Остров Мория пройти в Средиземное море не мог. Геркулес раздвинул скалы – Геркулесовы столбы образовались. Пасть порвал и задушил льва Немейского, что грозой мирных жителей востока Ближнего был. Иудеи называли Геракла Самсоном. Жена Геракла, Деянира, погубила Геракла, дав ему плащ отравленный. Иудеи считали, что Самсона Далила погубила, отрезав ему во сне волосы и лишив силы тем самым. Разные народы по-разному, но похоже жизнь описывали и подвиги великого героя воспевали.

Зевс, Аполлон, Прометей, Гефест не на Олимпе жили, на Мории.

За золотым руном в Колхиду морийцы корабль Аргонавтов посылали. Древнюю Трою не греки, а морийцы завоёвывали. Только морийцы придумать Троянского коня могли. Литература, как бы древняя, что нынче греческой зовется, вся, без исключения, морийцами написана. Может, те писатели и греками были, да жили и писали они на борту Мории. Гомер, Эсхил, Софокл, Еврипид. Это потом, с лёгкой руки Скалигера, европейцы, иудеи, египтяне историю Великой Мории себе присвоили да разместили свои исторические фантазии, мистификации за 2000 лет до н. э., за 6 веков до н. э., в первом тысячелетии н. э. и т. д., даты всякие из глубокого прошлого напридумывав аж до XVI века. А ничего не было этого до XVI века. Христианство откуда взялось? С Мории. От Иоанна Летсера. Иоанн Богослов, это сейчас его так называют. Крестителем он был. Иисуса крестил. А потом стал одним из его апостолов. Иоанн Богослов и Креститель Иоанн – одно и то же лицо. Высадились вместе, Иисус и Иоанн Летсер, на Кикладах. А потом христианство по всему Средиземноморью пошло. Распят Иисус был в

XVI веке на самой высокой горе Босфора, на лысой горе Бейкос в Царь-Граде. Так что Голгофа на самом деле в Царь-Граде расположена, не слушайте иудеев. А император Константин, что принял христианство в Римской империи, – то самое лицо, кого славным князем Дмитрием Донским потом звали.

История, как её европейцы преподносят, – фальсификация сознательная. Все документы позаменяли мерзавцы всякие. Но мы-то, морийцы, знаем, нам известно, и документы у нас сохранились все, что достоверно подтверждённая история цивилизации всечеловеческой с Мории начиналась. Нас, дураков, не проведёшь. Анализ лунных и солнечных затмений, вспышки новых звёзд, появление комет наши выводы подтверждают. Традиционные хроники датам реальных исторических событий не соответствуют из-за преднамеренной фальсификации истории, которая проводилась по заказу или с одобрения различных сил политических, против Мории настроенных. Заговорщиков, всяких там Захарьиных и Романиных. Подложные документы создавались. Настоящие, но нежелательные свидетельства подправлялись или уничтожались. Отдельные факты и реальные источники из истории письменной устранялись. Фальсификация массовой, согласованной и одновременно во многих странах хорошо организованной была. Враги наши историю великую Империи морийской замалчивают. Многочисленные источники, к разным периодам относимые, одни и те же события в действительности описывают. Такая ситуация из-за различных способов описания, языков и датировок в странах мира разных возникает. В результате, «дубликаты» или «фантомные отражения» реальных событий в различные исторические периоды попадают, тараторили Ант и Глеи.

– Сколько раз я это все уже слышал, – горестно вздохнул Диж Быж. – Да остановитесь, вы, дружнохроны.

– Знаю, о чём вы думаете, враги Мории, поклонники Скалигеровской лживой истории.

– И задом наперёд, совсем наоборот. Если Морию вы все-таки любите, Скалигера историю вы позабудете. С империи морийской люди планеты свой путь начинали, древний мир, средний век, христианство, всё морийцы создали и людям отдали.

– Софокл, Фемистокл, Еврипид и Гомер...

– Роттердамский, Брант, Босх и Дюрер...

– Культура, искусства, музыка сфер...

– Духовный подвиг и благородства пример...

– Ладно, ладно, хронологи. Не пора ль остановиться? Тролли исторические. Вы готовы за истину биться?

– Да, да, да, да...

– И задом наперёд, совсем наоборот, если были бы мы не готовы, значит, этой истины не было б снова, а она есть, никого не боится, так почему патриотам Мории, нам за неё не биться?

– Сколько было Иванов Грозных?

– Четыре.

– Нет, три.

– Нет, четыре.

– Чей сын был Александр Невский?

– Хана Батыя.

– Нет, Мамаю.

– Нет, Батыя.

Диж Быж прервал эти пререкания об Александре Невском, напомнив Анту и Глепу о событиях недавнего прошлого:

– А когда при диктатуре вас пригласили подтвердить, что героем битвы Невской стал отпрыск племени поганого, вы кричали, что готовы о трудах своих забыть, что ошиблись вы и каетесь, чёрт попутал вас неожиданно и нежданно. Молчите, нечего сказать? А надобно, ребята, знать, что на Канцлерских на выборах победил вчера товарищ Зед. Новым он хронологам шлёт

диктаторский привет. Привет вам от Зеда! Уж кто-кто, а он-то хорошо вас знает. Вас и вашу «принципиальность».

Что случилось с академиком и неостепенённым! Кожа на их лицах ещё больше пожелтела, обтянула и без того выступающие скулы. Рты ввалились, глаза запали. И не горели уже больше нездоровым огнём. Застыли Ант и Глеп на месте, ни слова не говоря. Неверующий и Любопытствующий. Словно онемели. И вдруг, не сговариваясь, оба хронолога, открывателя новых горизонтов, дружно бросились наутёк.

– Бежали, – сказал Штурман разочарованно. – Ретировались, можно сказать. Испугались возрождения пролетарской диктатуры, испугались товарища Зеда. Никакого Зеда не предвидится. Это шутка Диж. А я хотел поговорить с ними, с Антом и Глепом, поподробней. Хронологии действительно имеют ошибки. Их исправлением занимался Исаак Ньютон, а в России – Николай Морозов. Историки могут ошибаться в чём-то. В том числе и в хронологии. Но не на пятнадцать же с лишним веков.

– Не берите в голову, ни ты, капитан, ни ты, Штурман, – сказал Диж Быж. – Не учёные они вовсе, эти Ант и Глеп. Коммерсанты. Завалили Морию своими книгами о надуманной «Новой Хронологии». Народ читает. Здорово! Всё от Мории пошло! Как интересно, как своевременно и патриотично. Хорошие деньги сделали «правдолюбам», вот и вся их наука.

Два «правдолюбам» Ант и Глеп
Хотели вздуть друг дружку.
Ведь Ант неверно толковал,
Кто Невского подружка,
Кто сына Хана Батыя, кто Невского подружка.
Нахмурился товарищ Зед,
Кто оболгал героя?
«Да чёрт с ней, с истиной!». Бегут,
Друг друга в страхе кроя,
Два хронолюбам-дуракам, друг друга в страхе кроя.
Постойте, вслед кричит Диж Быж,
Я пошутил про это.
«Хрен с ней, с историей». Бегут
Они от гнева Зеда,
Два «правдолюбам»-дуракам бегут от гнева Зеда.

Академия ненужных наук

Нужно набраться смелости, и если люди говорят, что вы сумасшедший, скажите им: «Вы правы; в этом мире только сумасшедшие люди могут быть счастливыми и радостными. Я выбрал безумие вместе с радостью, с блаженством, с танцем; вы же выбрали здравомыслие вместе с несчастьем, страданием и адом – наш выбор различен. Будьте нормальными и оставайтесь несчастными, оставьте меня наедине с моим безумием. Не чувствуйте себя обиженными; я ведь не чувствую себя обиженным всеми вами – так много нормальных людей в мире, но я не чувствую себя обиженным.

Ошо

Ну вот. Они, наконец, в Академии, расположенной на одной из окраин Петромории. Великий Кифа в стародавние времена налетел, словно Летучий Голландец из свинцовых просторов западных морей, воздвигал – что воздвигал? сам-то знал, что воздвигал? – в буре, в тумане, в набегающих волнах, перемешанных с почти такими же плотными облаками, в головокружении, в мелькании бегущих ног, рвущихся парусов и снастей, доносов, вельможных окриков, голов, что с плеч долой; зажигал огоньки адских кабачков, где бражничал, куда валил и валил честной народ полузамученный, разнося гнилую заразу. Что воздвиг-то он, в конце концов, великий император, неудержимый в своем порыве? Не разглядеть уже сквозь тьму веков. В те давние времена силой неистового Кифы и народа морийского, рвущего жилы на службе полубезумного Государя Всея Мории, поднимались из небытия, вставали из мшистых болот новые корабли, новые острова, новые набережные, земли новые, обманом созданные из воды, облаков и старых, наполовину затопленных судов. Высокие крыши, мачты, шпили прошивали иглами и зубцами промозглый зеленоватый туман. И оседал в этих местах, на островах призрачных, на грани двух чуждых миров моря и суши, христианский люд, униженный, раздавленный, ублюдочный, наполовину люди, наполовину тени. Прошли тёмные годы. Но лишь здесь, на этой туманной окраине остались домики времён Кифы Великого. По всей Петромории настроены громадины преогромные. Лишь здесь домики скромные. Бревенчатые, каменные, кирпичные, разные. Вот – домик зелёный. Синий, одноэтажный. Жёлтый, с ярко-красной вывеской. Такие точно домики были здесь в стародавние времена. Крошечные. Да никак не назовешь их неказистыми. Правильно построены они были инженерами Кифовыми в те суровые дни. Морийский классицизм. Параллельные линии на болотах некогда провёл Кифа. Лишайями обросли те линии. Гранитом. Камнем. Заборами деревянными. Властным повелением Кифовым начиналась здесь наука морийская. Создавалась Академия наук. Так и пошла наука с лёгкой руки Господина Всея Мории.

Академия морийская на пяти китах стоит. Три великих француза, приглашённых некогда Кифой, создавали Академию. Жан Бернар Леон Фуко, физик и астроном. Маятник имени которого подвешен был в Святоиоанновском соборе и по сю пору висит там, качается, показывая суточный поворот нашего планетарного дома. Мишель Фуко, философ, историк, заложивший своей прославленной книгой «Безумие и неразумие» фундаментальные основы жизни морийской. Умберто Эко, учёный, философ, создавший Академию ненужных наук и исследования ненужных вещей. Приглашённый из Швейцарии Леонард Эйлер, физик, математик, сторонник теории полой земли.

Из имён этих славных учёных мужей составили имя Академии. Академия ФЭК. Потом в шутку – может, просто на морийский манер – произносили: Академия ФАК. Вот и пошло слово ФАК. Со временем приобрело не совсем приличный смысл. А что тут, собственно, неприличного? Ну ФАК, так ФАК. Любовь чувственная. Неплохо. Плюс наука. Да любовь чувственная.

Что ещё морийскому учёному, скромному, славой и деньгами не избалованному, от жизни земной надобно?

А кто пятый-то кит? Четыре названы. Пятый – Лом, Михайлов сын. Президент Академии в те давние времена. Первый Президент мориец. Он и теорию тепла создал, и атомно-молекулярную структуру материи открыл, и волновое движение частиц света. Много открытий в химии сделал. Науку новую, физическую химию, создал. Науку о стекле. К открытию водорода приблизился. Вот тебе и ненужные исследования.

Гости беседуют с Президентом Академии Мстиславом Кедром-Курчавым, что правит теперь науками морийскими у руля Академии. Щёки выбриты, борода на подбородке вытянута вперед длинной лопатой. На голове – парик в крупных белокурых буклях. Рослый полноватый мужик. Глаза быстрые, внимательные. Речь, движения неторопливые. Поздоровался за руку со всеми. Руки большие, сильные, тёплые, сухие. Рассказывает гостям о дураках, ненормальных, о сумасшедших. А и верно, что именно об этом говорит. Тема для Мории самая что ни на есть важная получается.

Как учил великий основатель нашей Академии Умберто Эко, половина людей – нормальные, половина – сумасшедшие. Те, кто работает в Академии, как правило, сумасшедшие. Нормальный человек отличается логикой суждений. Он не может выйти из круга «заклятия нормального», определяемого Гёделем⁷. Не может выйти из принятой системы суждений; в рамках этой системы не может он доказать истинность этой системы или её ложность, это сделать невозможно. Примером неразрешимости подобных проблем являются парадоксы. «Я лжец», – сказал Эвбулит из Милета. Правду он сказал или нет? Если сказал правду, это означает, что он лжёт. Если лжёт – значит, говорит правду. Выход из заколдованного круга увидит только «ненормальный» (сумасшедший). Который скажет: нет ничего невозможного. Всё невозможное – возможно. Каждое истинное суждение одновременно ложно. И наоборот. Вот так появляется вероятностная логика⁸, которую трудно объяснить «нормальному» человеку, но которая ближе к жизни, чем обычная, понятная всем логика. Только сумасшедший может сделать открытия, может открывать новые горизонты.

Мы в Академии должны уметь безошибочно и с первого взгляда определять, опознавать сумасшедших. Для этого надо знать стадии сумасшествия⁹ и виды ненормальных. Во-первых, это идиоты с врождённым нарушением щитовидной железы, гипотериозом.¹⁰ Лишены дара речи, почти лишены мышления. Ни на чём не могут сосредоточиться. Кретины, одним словом. Для них всё возможно. Будут стучать в закрытую дверь лифта, чтобы им открыли, есть суп вилкой, намазывать пальцем масло на бутерброд. Здорово, конечно, достаточно ненормально, но, пожалуй, чересчур. Идиотов легко узнать. Таких мы исключаем из рассмотрения и в Академию не берём.

Олигофрены¹¹ (в легкой степени сумасшествия – дебилы, в средней – имбецилы) – это уже другая публика. Речь бедная, невыразительная, но более или менее правильная. Они инертны, внушаемы. Мыслят конкретно и примитивно. Отличаются особым обаянием смеси недалёкости и искренности. Как объяснял достопочтенный Эко, олигофрены всегда попадают пальцем в небо. Специалисты по ляпсусам. Церемонно ухаживают и говорят старомодные комплименты девице лёгкого поведения, барышне по вызову, которая понимает только: «в койку»

⁷ Теорема Гёделя о неполноте. В непротиворечивой формальной системе нельзя доказать её собственную непротиворечивость.

⁸ Логика, в которой высказываниям приписывается не исключительно значения истины и лжи, но непрерывная шкала значений от 0 до 1.

⁹ Потенциально неизлечимое тяжёлое психическое расстройство (безумие, устар.).

¹⁰ Синдром недостаточного обеспечения организма гормонами щитовидной железы.

¹¹ Больной, состояние которого отмечается значительным снижением интеллектуальных способностей.

и «сколько?». Заводят разговоры о гносеологии¹² со Скинами и Лимами. О подвигах Приапа¹³ – с монашками ордена Кларисс. О своих мозолях и геморрое – на званом аристократическом приёме. Спросят о здоровье у того, у кого сгорел дом. Очень ценные люди в светских тусовках. Предоставляют неисчислимое количество поводов для разговоров, обсуждений и общего веселья. Отдельные представители хороши в дипломатической сфере. Богато одарены буржуазными добродетелями. Вымирающий вид. Адмирал Жоажен Мюрат¹⁴ Недотёп, проходя вдоль шеренги выстроившихся на палубе моряков, останавливается против одного из матросов в килте¹⁵. Жоажен в восторге – моряк в юбке с голыми причиндалами! «Вы шотландец? – Так точно, ваше высокопревосходительство. – Молодцом! Продолжайте, продолжайте». Адмирал-олигофрен. Великолепный образец.

Олигофрены также легко опознаются. Они рассуждают, как мы. Только со сдвигом по фазе. В научной работе применения не находят. Разве что – для obsługi, в области сервиса, на второстепенных должностях.

Самая большая группа сумасшедших – дураки. Мы окружены дураками. Особенно на Мории. Спасения от них нет. И слава Богу. Они нам как раз и нужны. Дураки, как правило, в других странах и на других континентах остаются нереализованными. Но не на Мории. Дураки – это наш контингент. Отличие дурака от нормального не в сфере поведения, а в сфере сознания. Он может делать правильные умозаключения, но ошибочным путём. Например: «Морийцы, живущие в Петромории, – дураки. На острове Мория живут только морийцы. Значит, все жители Мории – дураки».

– Позвольте прервать вас, уважаемый Президент. Приведу пример умнейшего из дураков, – сказал Штурман. – Святой Ансельм, свечения и огни имени которого мы часто наблюдаем в полярных морях. Он посчитал доказательством существования Бога тот факт, что при рождении человека Бог вложил в его разум идею о себе, о Боге, существующем вне нас и вне этого мира.

– Однако монах Гонион опроверг это доказательство: «представление о чем-либо – не есть факт его существования». Утверждения Ансельма и Гониона сами по себе кажутся абсолютно логичными, но так же легко опровергаются друг другом, – ответил ему Диж Быж.

– Оба мыслителя вполне могут претендовать на звание дураков обыкновенных; именно таких мы с удовольствием принимаем в Академию, – с улыбкой сказал Кедр-Курчавый. – Да и вас обоих, Дига Быжа, известного поэта-патриота, и Штурмана, юношу, не утратившего интереса к науке в суровых испытаниях морских путешествий, вполне можно было бы удостоить высокого звания дурака Академического. С чем вас и поздравляю.

– Хочу добавить в связи с этим, мои высокоучёные собеседники, что Господь бог всемогущ; он создал себя ещё и немислимым, таким, чтоб мы не могли разобраться, каков он, Господь бог. Цель сотворения самого себя – доказать космическую природу неумных и ненормальных. Вот, оказывается, какова высшая цель творения – прославить дураков! Как видите, я, капитан Александр, тоже хочу попасть в вашу тёплую компанию академических дураков.

Все посмеялись и Президент продолжил.

Дурак умеет доказывать свои тезисы – у него своя кособокая логика. Из двух частных посылок он выводит универсальный закон. Как любит говорить наш поэт-патриот Диж Быж, – «дурак, всеми любимый шут, выворачивает наизнанку, отрицает, высмеивает общепринятую лживую логику. И оказывается прав. Наша глупость – его мудрость». Потому-то наша морий-

¹² Философское учение о познании.

¹³ Древнегреческий бог плодородия. Изображался с чрезмерно развитым половым членом в состоянии вечной эрекции.

¹⁴ Наполеоновский маршал, отважный рубака, не отличавшийся даром мыслителя и стратега.

¹⁵ Шотландская юбка.

ская наука, основанная на противопоставлениях и парадоксах, оказывается столь успешной. Великий Эко учил нас:

История логики – это выработка приемлемых понятий Глупости.

Крупный мыслитель – рупор глупости другого.

Мысль – сгусток энергии, когерентная¹⁶ форма глупости.

Глупая мысль – некогерентная форма другой мысли.

И наконец, четвёртая группа сумасшедших: психи, психопаты. Люди неуравновешенного душевного склада с признаками душевного расстройства. «Меня похитили синие маленькие гуманоиды без носа. И насиловали, насиловали, насиловали...». Опознать психов нетрудно. Они очень похожи на дураков. Но, в отличие от дураков, не имеют навыков и приёмов логических рассуждений. У них вообще нет логики. Любой тезис подтверждает все остальные. «В детстве его мамка ушибла, с тех пор отдаёт от него немного водкою»¹⁷. «Никак нельзя ему живым быть, потому я уж лет двадцать за упокой его души подаю, так нешто может это человек выдержать»¹⁸. «Никогда не забуду (он был или не был, этот вечер)»¹⁹. «Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках»²⁰. Психи свободны от необходимости что-либо доказывать. Они видят мир искажённым и делают неправильные умозаключения. Зато у них могут быть внезапные озарения. И у них самые лучшие внутренние побуждения. Психи готовы отдать последнее. И жалостливы очень. «Глупая баба, сидя на возу, часть поклажи на колени берёт. Чтоб лошади легче было»²¹. Психи – тоже наши клиенты.

Два слова о нормальных. Нормальных на самом деле вообще почти не бывает. Нормальный в разные моменты времени и жизни может быть в любой фазе сумасшествия. И вот тогда он может оказаться очень полезным для науки. То есть если нормальный немного «ненормальный» или немного дурак, он может нам подойти. Для воспитания этой ненормальности, для подготовки «хороших, правильных» дураков Эко создал у нас несколько отделений ненужных наук и ненужных исследований. Хотя у нас все науки такие. Но это как бы тренировочные базы для выявления и отбора наиболее талантливых дураков и психов.

Как и мечтал Эко в свое время, у нас созданы сейчас четыре отделения беспредметных изысканий, умствований: ненужных (неприкладных), неважных (несущественных), невозможных (несуветных), несовместимых (паро-доксизмов).

В Отделении ненужных умствований вырабатываются новые неприменимые научные проблемы, знания и умения, разрабатываются глубинные основы ненужности, воспитывается тяга к ненужностям. Классическим предметом этого отделения является пилокотовасия – «искусство быть на волосок от», введённая в наши учебные планы ещё отцами-основателями.

– О, мы слышаны об этом, – вставил вездесущий Диж. – Пило и нано – любимый конёк Ганса младшего. Это нанотехнологии. В смысле техники. Наносвободы. В смысле демократии. И наноуспехи. В смысле развития общества. Это пило-технологии, в смысле бюджета (как «распилить» бюджет). Да и сам он, младший Ганс, всегда балансирует «на волосок от». Такую жизнь выбрал для себя нано-Ганс, Ганс маленький.

– Или, – продолжил Президент, – создание механического устройства для напоминания нам дат рождений и смерти троюродных дедушек и бабушек наших двоюродных тётушек и дядюшек. Очень важная разработка.

¹⁶ Синхронное движение.

¹⁷ Н.В. Гоголь. Ревизор.

¹⁸ А.Н. Островский. Правда – хорошо, а счастье лучше.

¹⁹ А.А. Блок. В ресторане.

²⁰ Н.В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

²¹ Народный анекдот.

Достижения отделения неважных изысканий отмечал с восторгом ещё в свое время Лемюэль Гулливер, посетивший Морию. Тогда его восхитили исследования морийских учёных в таких областях, как:

- влияние стрижки ногтей на деторождение;
- влияние направлений ветра, господствующих в стране, на количество гласных в языке;
- влияние почерка на отношения с соседями.

Основные научные силы Академии собраны в отделении невозможных (несусветных) проблем. Главная задача отделения – выявление глубинных оснований невозможности, в особенности – эмпирической (опытно доказываемой) невозможности. Молодому исследователю очень важно привить тягу к разрешению проблем невозможности. Всей своей двухсотвосемидесятилетней историей наша Академия доказывает, что всё невозможное – возможно. И, более того, невозможное – необходимо. О великая морийская наука!

Вот перечень тем (предметов) исследования этого отделения: пятистопный ямб в азбуке глухонемых, зерновая диета хищных птиц, акварельная живопись Стоунхенджа, современная литература древних Лемурийцев.

Посыпались предложения от Дига Быжа и Штурмана. Грамматика кольчатых червей. Верхнее «ля» глубоководных кальмаров. Летательные аппараты древних инков. Христианская иконопись бедуинов. Охота на китов в жизни снежных барсов. Строительство готических соборов кочевниками времён Чингисхана. Межвидовая взаимопомощь и товарищеская выручка белых медведей и антарктических пингвинов. Добавьте ещё «тюремную демократию», сказал капитан Александр, примером осуществимости которой была в недавнем прошлом Народно-Морийская диктатура. Вы сами убедились, друзья мои, сказал Президент, сколь увлекателен предмет наших исследований. Народ морийский валом валит в нашу Академию. Все хотят публиковаться по этим темам. Вот она прорывная поступь реальной науки.

Нам надо ещё немного поговорить о несовместимости, которая в отличие от несусветности, эмпирической невозможности, представляет собой терминологическую невозможность. Направление оксюмористики. Оксюморон – умная (остроумная) глупость. Оксюморон близок к парадоксу, с одной стороны, и к катехрезе (переносному значению) с другой. Он пытается совместить обоюдно противоречивые предметы, вскрывает противоречия в явлении, передает динамику мышления и бытия. Оксюморон может быть стилистической фигурой речи, стилистической ошибкой. Это сочетание слов с противоположным значением, сочетание несочетаемого. Способ разрешения необъяснимых ситуаций. Непонятно? Приведу примеры, и всё станет на свои места. Сибаритство спартанцев. История новаторских традиций. Лучший труд основателя Эразма Роттердамского, воспевавшего Морию, назван «Похвальное слово глупости». Опять посыпались предложения гостей. Обыкновенное чудо. Праведная ложь. Конец вечности. Вечность конца. Где начинается тот конец, которым заканчивается начало?²² Назад в будущее. Вверх по лестнице, идущей вниз. Казалось, этому не будет конца. Террор в изящной словесности. Теория амбиций. Улыбка вечности. Превращения метода. Отношение юмора к бессознательному. Бродячие сюжеты. В тени завтрашнего дня.

Когда все уgomонились, капитан Александр спросил:

– Игры разума Академий морийских восхитительны. Однако ваши гости, насколько я знаю, нередко посмеивались над «несусветностью» морийских наук. Лэмюэль Гулливер в своих записках о путешествиях в Бальнибарби и Лапуту (он почему-то так называл Морию и её окраины) высказывался об Академии в Лагадо (тогдашняя столица Мории) весьма иронично и даже неприязненно. О том, что в Лагадо сеют соль, пытаются доить кур, носят свет в мешках, загоняют лошадь в хомут вместо того, чтобы надеть на неё, впрыгивают в штаны, пилят сук, на котором сидят... Что вы об этом думаете?

²² Начало и конец – материальные точки, которые сами по себе не имеют начала и конца.

– Чтобы понять, насколько был прав знаменитый путешественник, необходимо ознакомиться с практическими результатами тех исследований, о которых Гулливер писал с таким напыщенным снобизмом. Для начала посмотрим, что сегодня представляет собой «летающая» часть Мории, которую Гулливер называл Лапутой.

Гости посетили наблюдательный воздушный шар. В подвесной открытой корзине шара размещался отдельный герметичный отсек (капсула) с иллюминаторами. Для подъёма в стратосферу посетители вместе с пилотом закрылись в отсеке. И шар медленно поднялся на высоту более двадцати километров. Снаружи температура -90°C , разряжённый воздух. В капсуле – тепло и комфортно. Её стены уставлены изнутри непонятными научными приборами. Специальные устройства подогревают воздух и снабжают его кислородом. Гости с удивлением рассматривают Морию, которая при взгляде сверху как бы сжимается и видна из капсулы, как на ладони. Вокруг стратонавтов, в иллюминаторах – чёрное небо, на котором ясно видны яркие звёзды и луна. Пилот, образованный человек, даёт пояснения гостям, рассказывает, как устроена капсула и почему небо на такой высоте кажется чёрным. «Нигде в мире вы не увидите ничего подобного», так заканчивает он свой рассказ. Пробыв в стратосфере положенное время, воздушный шар под управлением пилота начинает осторожно спускаться и благополучно приземляется (приморяется) на место, откуда стартовал. Все в восторге. Диж Быж молчит, не в силах справиться с охватившими его эмоциями. Штурман, влюблённый в технику, не может остановиться, без конца обсуждая только что увиденное и услышанное. Опытный Александр, знавший обо всём этом только понаслышке, также находится под впечатлением полёта в стратосферу.

Но это было только начало. Академия Мории обрушила на гостей поток невиданных достижений своих учёных, работающих в соответствии с принципами «невозможное – возможно» и «невозможное – необходимо».

Капитану Александру, Штурману и Дижу Быжу предложили погрузиться в подводном колоколе на дно моря. Колокол опустился недалеко от вершины горы Ампер подводного хребта Хосшу, идущего по дну Атлантического океана от Геркулесовых столбов до Лазурных островов. Здесь путешественникам удалось осмотреть удивительные развалины старинных городов атлантов.

Мимо них проплыл рослый человек в чешуйчатом костюме в обтяжку безо всяких приспособлений для дыхания. Помахал им рукой, улыбнулся и ушёл в зелёную глубину. Атлант? Может, и атлант. Вообще-то морийцы они. Живут здесь, на дне моря с незапамятных времён. Несколько семей. Непонятно, как дышат. Никакими приспособлениями не пользуются. Когда выходят на сушу, дышат воздухом, как мы. Говорят на морийском. Мало общаются. Стараются держаться подальше от нас. Об их жизни мы почти ничего не знаем. Но они помогают нам. Следят за Шибиром. У них какие-то дела с вогулами. Мы считаем, что они продвинуты цивилизационно гораздо дальше нас. Возможно, самые наши прорывные достижения были сделаны благодаря их помощи или подсказке. Многие так считают. Но точно это неизвестно. Видимо, не так уж неправы были Ант и Глеп, говоря о морийцах-атлантах, о великой морийской империи, империи атлантов, подумал капитан Александр. Сердце его ёкнуло, когда он подумал о том, что видел под водой. Сколько лет искал он следы атлантической жизни. Неужели все так просто?

Здесь же, в музее Академии наук, можно было осмотреть модели подводных лодок Никонова и Шильдера²³, построенных ещё во времена Кифы Великого. Много других чудесных машин увидели Александр и его спутники.

²³ Потаённое судно Е. Никонова было испытано в 1721 году. Первая в мире цельнометаллическая подводная лодка К. Шильдера испытана в 1834 году.

Небольшой парусник на подводных крыльях, который может мчаться над водой со скоростью, недостижимой для кораблей того времени, до 30 узлов²⁴. Летающая тарелка, действующая модель, в которой был использован оригинальный взрывной двигатель²⁵. Работу над которой остановил, как ненужную, один из Канцлеров. Корабль на воздушной подушке, который может двигаться по воде и по суше. Кто мог предположить, что здесь, в Мории, уже давно сделаны удивительные открытия, о которых в других странах даже не мечтают?

В музее Академии гости увидели огромное количество механизмов различного назначения, новых, работающих, и совсем старых, с заржавевшей душой, железные символы технологической суетности. Они видели опыты с живой лягушкой²⁶, висящей в воздухе под воздействием сильного магнитного поля. Видели булькающие ванны, приборы для наблюдения гнилостного брожения. Переплетения стеклянных трубочек, перепутанные сочленения и переходы между колбами, стеклянные лона, наполненные прозрачной жидкостью с воздушными пузырьками, грязноватые дренажные трубы-семенники, игру хрустальных радуг. На дне ванны, под желтоватой, таинственной, дурно пахнущей шевелящейся жидкостью спрятана, как им объяснили, неразличимого размера матка для микроклонирования. В таких ваннах выращивались отдельные органы, отростки, железы, гланды, гребни, мошонки, полипы, миомы, необходимые для замены больным морийцам, а, может, ещё для какой-либо другой надобности. Странное сочетание гениальных достижений науки с атавизмами самой древней, самой замшелой, средневековой, ведической, астрологической – и прочая, и прочая – мистики и чёрной магии. Брожение. Морские ванны. Тигелёк из огнеупорного шамота между перегонными кубами. Таинство совокупления. Сотворение эликсира. Сублимация Меркурия, жизненного духа, аналога германского бога Ватану. Переход из твёрдого состояния в человекообразное. Клонирование рудного человечка гомункулуса, ростом с гномика. Который своим прикосновением превращает неблагородный металл в золото, глину – в хлебную лепёшку, засохшее дерево – в цветущую яблоню. Дьявольский соблазн, дракон, змей-искуситель. Один из четырех символов сатаны (дракон, лев, ворон, чёрный орёл). Там же хранится обрывок Василидова плаща. Василида, гностика, мерзкого еретика, жившего в Александрии Египетской с 100 по 130 год нашей эры. Как плащ этот попал в Морию? Может, и не плащ, а плащаница? Может, не Василида, а Валентина? Кто знает. Тут же – ковчезек с крайней плотью древнеегипетского бога мудрости, трижды великого, ставшего потом Гермесом Трисмегистом. Известного мудреца, автора священных писаний, алхимических и астрологических трудов. Почитаемого дядюшки благословенной Мории, бога торговли, прибыли, разумности, ловкости, плутовства, красноречия. Именуемого Меркурием в Риме.

Те, кто провожал гостей по залам Академии, не могли досконально объяснить всё, что они показывали гостям, не стремились, возможно, или самим было не очень-то понятно. Отвечали невнятно, таинственно, сопровождая «объяснения» неопределёнными жестами в стиле изысканных макумбы, кандомбле, умбанды и квинбанды²⁷.

– Расскажите, чем закончились исследования, которые проводились в Академии во время посещения Мории Гулливером?

– Вот конденсатор, который накапливает энергию из огурцов. Конденсатор может приводить в движение карету, летающую тарелку, обогревать дом. Здесь вы увидите дома, построенные сверху вниз, а не снизу вверх.

²⁴ Единица измерения скорости, равная одной морской миле в час.

²⁵ Взрывной двигатель для летающего диска, подобный Морийским разработкам, был повторно изобретен В.Шаубергером в Германии в XX веке.

²⁶ Опыт был повторен только в конце XX века А. Геймом, получившим за этот эксперимент Антинобелевскую (Шнобелевскую) премию.

²⁷ Афро-бразильская магия.

Механический арифмометр, который может считать, может управлять механическим пианино, может сам сочинять музыку или стихи, перебирая случайным образом миллиарды различных звуко сочетаний. Тепловой насос, который забирает тепловую энергию из недр земли и обогревает этим теплом жилые помещения. Севооборот сельскохозяйственных культур, который позволяет «отдыхать» земле, оставляя её на несколько лет под «паром»²⁸.

Вот синтезированное искусственное нановолокно, превосходящее стальную нить по прочности в сотни раз. Здесь применена технология, близкая к той, которую использует паук при изготовлении паутины. Эта разработка находится под особым наблюдением Ганса маленького (младшего). На изготовление нановолокна правительством выделены большие деньги. Правда, до Академии эти деньги пока не дошли. Куда подевались – неизвестно. Наверное, использованы были с большой пользой. Правда, не у нас. Но сам факт, что были выделены средства на нашу науку, очень вдохновил разработчиков, и проект движется сейчас семимильными шагами.

Вот огромные башни, накапливающие энергию от специальных конденсаторов и управляющие с помощью этой энергии тектоническими сдвигами земли.

– Гулливер подробно описывал ваши исследования в области управления психикой человека и общественными процессами. А как это у вас теперь осуществляется? Удалось ли добиться успехов в этой области, как это влияет на жизнь морийского общества?

Это совершенно другая тема. Чтобы ответить на вопросы гостей, Президенту пришлось пригласить совсем иных людей, специалистов из отделений психических и общественных наук. Академики из «Общественной академии имени Ганса ГАНСа Великого», так объяснил Президент.

– Мы научились перемещать психику. Если две политические партии борются друг с другом особенно ожесточённо, мы берем половину психики одного лидера и перемещаем в голову другого лидера. И наоборот. Противоречия возникают уже не между партиями, а внутри голов их лидеров. В конце концов каждый лидер сумеет примирить внутри себя противоречия разных половин его психики. И Мория обретёт, наконец, спокойствие и мир.

Ещё один интересный проект – мы научились предохранять психику от разрушения на неопределённое время. Человек стареет, ткани его тела разлагаются, кости рассыпаются. А психика сохраняется, она остаётся без изменения, человеку кажется, что он так же молод и жизнеспособен, как в молодые его годы. Оказалось, что энергетика этой законсервированной психики столь сильна, что позволяет удерживать остатки тела в собранном состоянии. И даже может добиваться каких-то движений от жалких остатков этого тела. Так, со временем у нас появится каста бессмертных, струльбругов²⁹, и некоторые бессмертные уже есть, хотя вряд ли их можно считать людьми, и вряд ли они живут счастливо. Прав был Гулливер: струльбруги удерживают своё разваливающееся тело, но они теряют чувства, память, забывают язык, детей, друзей. Одна злость остаётся. Морийцы не любят струльбругов. Стараются, чтобы те жили отдельно. Мы доложили обоим Гансам о наших успехах в деле достижения долголетия морийцев. Оба были в восторге. Ничего себе: мы дадим бессмертие пенсам. Дали поручение подготовить постановления о том, что пенсия струльбругам будет выплачиваться только до восьмидесяти лет, а всё их имущество в этом возрасте – изыматься в пользу государства. И верно. Раз они будут жить вечно, постепенно могут скупить всю Морию. И обычным морийцам ничего не достанется. Хороший закон, справедливый. Очень полезный для Братанов. Имущество струльбругов – в Общак. На благо всей страны. А каков социальный эффект: пенсам – бессмертие! Фантастика.

²⁸ Поле, оставляемое на одно лето незасеянным.

²⁹ Вечные старики

По мере наших скромных сил мы стараемся влиять также на выработку разумной государственной политики. Используем при этом весь научный авторитет нашей Академии. Например, рекомендуем изменить налогообложение. Налогом нужно облагать только тех, кто имеет самые высокие результаты своей деятельности. Чем больше пользы ты приносишь обществу, тем больше плати в Общак. Это высшая справедливость. Кроме того, следует облагать налогом добродетели: честность, трудолюбие, порядочность, доброту, бескорыстность. А также те качества, которые морийцы ценят больше всего: остроумие, храбрость, вежливость и учтивость.

И, конечно, мы постоянно говорим обоим Гансам о том, что нужно отказаться от услуг тех «советников» и «консультантов», которые рекомендуют выдвигать в члены правительства, в руководство партий, в суды, в парламент только бескорыстных, порядочных, умных и талантливых людей. Которые заявляют, что министры должны заботиться об общем благе, что награждать следует только тех, кто много сделал для народа и государства. Которые внушают Канцлеру и авторитетным Братанам, что их подлинные интересы совпадают с интересами народа. Что Братанам следует отказаться от нетрудовых доходов. А как жить? Братаны же не работают. Как им семью содержать? Нашему самому справедливому обществу не нужны «консультанты», которые понятия не имеют, что есть нечто, выше закона, выше слова. Что есть честь Братанская, что есть Понятия нерушимые. Множество диких, несуразных фантазий рождается в головах этих безумных «советников». Фантазий, чуждых менталитету и традициям нашего народа. Любая нелепость, как говорит древняя морийская мудрость, найдет своих сторонников. Верх безумия. Бесконечно далеки эти «консультанты» от Братанов. От жизни простых морийцев. Полная оторванность от жизни родной страны, непонимание и игнорирование реальной истории морийского общества. Слава Богу, пока что Гансы прислушиваются не к мнению этих безответственных «советников», а к рекомендациям скромных учёных Академии.

Гости расспрашивали специалистов о многих других общественно значимых разработках Академии. Расскажите нам о новинках, о новых нетрадиционных направлениях.

– Мы разрабатываем для Братанов новую обценную лексику³⁰. Это инструмент для манипулирования Понятиями. И решения высших задач общества. Не всегда понятных народным массам. Лексика непристойная, распутная, безнравственная. На первый взгляд. Но как она близка к сиянию Великого Братана, к шуму прохладных потоков Ништяка. Непечатная брань. Нецензурные выражения. Ненормативная лексика. Сквернословие. Срамословие. Сакральные языки аристократов нашего общества, правильных вельможных Братанов, без которых сейчас невозможно представить жизнь современного морийского общества.

³⁰ Сегмент бранной лексики различных языков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.